

Н.Г. Архипова

О СТАРОВЕРАХ СИБИРИ, ЗАБАЙКАЛЬЯ, ПРИАМУРЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.)

*Переселение ... староверов,
силой оторванных от родины
и гонимых без малейшей вины,
было целою эпопеей страданий
и, несмотря на то, они не погибли...,
не одичали, не сделались звероловами
и не переродились в нацию хищников,
но оказались навек важными культурными деятелями.*

И.П. Прыжов

Достаточно большую часть русского населения, не принявшую церковную реформу патриарха Никона (середина XVII в.), называют старообрядцами (староверами), в Сибири, Забайкалье и Приамурье – семейскими (семейцами). Старообрядцы имели специфические особенности жизни и быта, что выражалось в большой удаленности от мест первоначального проживания. Так, большинство современных семейских жителей Амурской области не помнит, где жили их предки до «забайкальского» периода.

Исследователи прошлого отмечают почти сплошное иноэтническое и инокультурное окружение старообрядцев. Семейские практически не ассимилировались с окружающим их населением: русскими старожилами Сибири, казаками, бурятами. До второй половины XX века они жили очень замкнуто, со свойственной им высокой степенью консервативности культуры, традиций, быта.

В противовес семейским другие группы русского населения активно ассимилировались с иноверцами. Так, напр., М. Грулев отмечал, что старожилое население Сибири активно смешивалось с бурятами: «Добывание женщин решалось очень просто – путем похищения их у соседних бурят. Чтобы уберечь своих женщин от похищения их монастырскими крестьянами, буряты переменили костюм девок и парней. Это наблюдалось до конца XIX века особенно среди кудринских бурят: девушки стригут волосы под гребенку, носят картуз, поддевку, мужскую рубашку навывпуск, плисовые шаровары и сапоги; только привычный глаз может отличить девушку от парня» [1, с. 215]. Исследователь отмечает, что духовенство поощряло похищение бурятских женщин, охотно их крестило и венчало их с русскими поселенцами. Из этих смешанных браков русских с бурятами родился в Забайкалье особый тип мулатов – «карымов» [Там же].

Казачье население также активно взаимодействовало с бурятским населением: «В домашнем быту казаки также заимствовали много от бурят. В этом отношении замечается по-

ражающая двойственность, при которой уживаются вместе некоторые потребности культурного человека и легендарная неряшливость бурята: рядом с газетами, лампами, бронзой, мягкой мебелью и даже коврами (такая обстановка встречается нередко у богатых станичников), – казак не брезгает варить себе обед в грязнейшем котле, который лишь изредка обмывается внутри грязным голиком; вместе с бурятом угощается чаем из грязной чашки, в которую бурятка тут же, на глазах гостей, за отсутствием воды, обильно плюет для чистоты и вытирает лоснящейся от жира и грязи полый своей шубы» [Там же, с. 223].

К.П. Михайлов отмечает, что «чуждые смешения с инородцами, они (семейские) в чистоте сохранили русский тип. Население старообрядцев... разрослось и представляет довольно крупную частицу всего крестьянского населения Забайкалья» [2, с. 5].

Забайкальские семейские существовали в своеобразной иноконфессиональной среде, характеризующейся неконфликтным сосуществованием трех религий: шаманизма, буддизма и православного христианства в «никонианской» и «раскольнической» формах. Однако в ряде исследований отмечается, что «к концу XVIII века значительное большинство населения Сибири примкнуло в «расколу» или вернее просто осталось со старым обрядом, предпочитая своих проповедников [3, с. 396], при этом в нравственном отношении старообрядцы были гораздо выше других конфессиональных групп: «хотя у семейских заперты церкви и положаны кресты, но сибиряки, по общему утверждению, несравненно беднее религиозным чувством, чем староверы. Между последними встречаются люди истинно религиозные и благочестивые, т.е. высоко нравственные» [4, с. 341].

Все исследователи прошлого отмечают высокие морально-этические качества семейских: устойчивость в работе, единение в поддержании друг друга и трезвый образ жизни. Семейские женщины общительны, щеголеваты и красивы [5, с. 188-189]. «Семейская женщина работяща, а потому и нравственна и нисколько не развращена, как сибирячка. Она благородна и горда. Одежда женщин старинная: сарафан всегда ярких цветов и кичка, повязанная платком в виде чалмы. Песня и пляска старинные, каких, пожалуй, не сыщешь теперь и на Руси. Она необыкновенно деятельна, оттого и хозяйство у нее идет отлично, косит траву не хуже мужчины. Опираясь на свою женщину, домовитую, энергичную, деятельную и дома, и в поле, и в торговле, семейские производят громадное количество хлеба» [4, с. 351]. Семейские мужчины сдержаны в общении, умны и работящи. Старики же «сильны общим к ним уважение и послушанием» [5, с. 188-189].

Важной чертой семейских является любовь к порядку: «все... старообрядческие селения... очень богаты и имели большие и хорошо устроенные дома и даже с некоторым крестьянским комфортом» [6, с. 819].

Семейственность и коллективизм также отличали старообрядцев от другого населения: «семейская община крепка остатками коренного народного обычного права, почти забытого у сибиряков. Семья остается крепким союзом родичей и не развращена, как у всего остального сибирского населения, поэтому староверы никогда не смешивались ни с инородцами, ни с каторжными и сохранили в себе основной тип русского человека» [4, с. 349].

К.П. Михайлов писал, что «эта община может называться общиною общин, так как каждое селение состоит из домохозяйств с большими семьями, достигающими иногда до полусотни душ. В каждой семье царит замечательный порядок, основанный на распределении

труда между членами. Преданные старине ради своих религиозных воззрений и тщательно охраняющие эту старину, они не чужды к восприятию и новшеств, касающихся только сферы их благосостояния... Для крестьянина польза коллективно-семейного труда не подлежит сомнению; у него на глазах такой выдающийся пример больших семей старообрядцев» [2, с. 9].

Стремление к знаниям также являлось отличительной чертой семейских. Газеты тех лет отмечали: «У семейских нет школ, но они несравненно грамотнее сибиряков. Образовав сплоченную общину, они (семейские – Н.А.) стремились к внутреннему развитию, заботливо распространяя между своими последователями грамотность, создавали хотя и сухую догматическую и схоластическую литературу, но тем не менее распространенную в среде староверов и известную большинству; касались таких философских и социальных вопросов, о которых православно-сибирская масса никогда и не думала, и разрешали эти вопросы иногда по началам западного рационализма», – так писала газета «Сибирь» в 1881 [4].

Однако уже в конце XIX века исследователи отмечали противопоставленность пожилого и молодого поколений семейских по ряду признаков: «Между молодежью большая часть уже оставила старообрядческие верования, конечно, более по равнодушию ко всякому верованию, нежели по сознанию фальши в их отцовских преданиях, хотя и это они сознавали, но легко и поверхностно. Все почти курили трубки, несмотря на то, что многим из них доставалось от стариков. Впрочем, у этих раскольников незаметно было того фанатизма и нетерпимости, каким отличаются закоренелые и невежественные раскольники в России» [6, с. 819-820].

Попытаемся выделить ряд доминантных черт, характеризующих особенности психотипа семейских.

Особенно яркая доминанта – труд на земле. С.А. Зеньковский, говоря о русском старообрядчестве, отмечал, что «это было трезвое, спокойное и трудолюбивое население» [3, с. 431]. Известный этнограф П.А. Ровинский отмечал: «Крепкий физически и нравственно, семейский мужественно ведет борьбу с природой: вырубает леса, осушает болота и обращает их в плодородные нивы» [Цит. по: 2, с. 5]. В других источниках отмечено: «Староверы были отличные пахари. Земледелие было у них в самом цветущем состоянии...» [6, с. 820]; «Они (семейские – Н.А.) при Муравьеве положительно спасли Амур от голодной смерти, и не будь семейских там, при казенных порядках, если бы все переселенцы не померли от голода, так стали бы есть друг друга, как это случалось» [4, с. 334].

Практически во всех работах отмечается противопоставление старообрядцев другому населению Сибири и Дальнего Востока. Ссылаясь на г. Коржинского и говоря о заселении Приамурья, П. Головачев отмечал: «Нигде так ярко не выступают лень и беспечность жителей, нигде не бросаются так в глаза какие-то городские замашки и претензии вместе с крайней нищетой и бездомностью. Здесь вы увидите праздных казаков, вечно слоняющихся безо всякого дела по улице... В целой станице подчас нельзя найти крынки молока, десятка яиц и фунта масла. Казаки сами говорят, что «у нас в станице можно с голоду помереть» [7, с. 61]. И.П. Прыжов отмечал: «Семейские резко отличаются от сибиряков своим высоким умственным, экономическим и социальным благосостоянием» [4, с. 351].

Очевидной особенностью семейских является их глубокая религиозность: «хотя у семейских заперты церкви и поломаны кресты, но сибиряки, по общему утверждению, несравненно беднее религиозным чувством, чем староверы. Между последними встречаются люди истинно религиозные и благочестивые, т.е. высоко нравственные» [4, с. 351].

Таким образом, к числу доминантных фрагментов картины мира семейских старообрядцев, отмеченных в дореволюционных источниках, можно отнести в большей степени выраженное, чем у другого населения Сибири и Дальнего Востока, отношение к вере, религии, сельской общине как наиболее комфортной форме жизни и общения. «Семейские – это гранитные камни. От векового действия враждебных стихий они, быть может, выветрились и исполнились недостатками, но доселе все еще стоят крепко и представительно, неизмеримо возвышаясь над всем остальным сибирским населением» [8, с. 1613].

ЛИТЕРАТУРА

1. Грулев М. Из прошлого Забайкалья // Русская старина, 1901, № 4. С. 203 – 224.
2. Михайлов К.П. Общинный быт у крестьян Забайкальской области Восточной Сибири // Русская мысль. Год шестой. Декабрь. М., 1885. С. 1-24.
3. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М.: «Церковь», 1995.
4. Прыжов И. Записки о Сибири / Газета «Сибирь», 1881, № 7. С. 330 – 352.
5. Галкин-Враской М.Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881 – 1882 годах // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. СПб., 1901. № 1. С. 188 – 189.
6. Беляев А.П. Пережитое и передуманное. Воспоминания А.П.Беляева: отъезд в Сибирь, пребывание в Чите и Петровске, жизнь на поселении // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. СПб., 1881, № 4. С. 819 – 820.
7. Головачев П. Приамурье как русская земледельческая колония. М., 1894. С. 59 – 60.
8. Якушкин И.Д. Из записок декабриста Якушкина // Русский архив. 1870. № 1 – 19. С. 1613 – 1614.

ОБ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ, ЗАБАЙКАЛЬЕ, ПРИАМУРЬЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОЧНИКОВ РУБЕЖА XIX – XX вв.

О заселении Приамурья

П. Головачев

Заселение Амурского края русским элементом началось более сорока лет тому назад: еще в 1854 и 1855 гг. возникли первые русские поселения в низовьях Амура, куда принудительно были направлены казаки из Забайкалья и добровольно прибыли крестьяне из Иркутской губернии и Забайкальской области, а в 1857 г. туда были сплавлены шестьдесят две женщины из ссыльно-каторжных.

С 1856 г. началось заселение левого берега Амура в пределах нынешней Амурской области, куда высылались забайкальские казаки и поселялись в пунктах, имеющих, главным образом, стратегическое значение.

В 1858 г., по настоянию графа Муравьева-Амурского, было отправлено на казенный счет тысяча семейств на Амур, но дошло только пятьсот, так как ассигнованных средств было мало. Переселение на казенный счет было прекращено.